

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

П. Л. Белков

Образ первопредка в австралийской мифологии

В исследованиях по мифологии обычно речь идет о целом ряде базисных персонажей мифа. Однако можно попытаться возвести все мифологические персонажи к образу первопредка как единственно базисному персонажу. Насколько это возможно, показывают австралийские материалы.

Эмпирические наблюдения в области австралийской мифологии позволяют выделить следующие определения первопредка как предка-реинкарнатора: 1) акустический аморфный образ: «сам предок», или предок как таковой, «лишь имя»; 2) «дух предка», или духовная, а точнее, имматериальная сущность («часть») предка, способная трансформироваться в человеческое существо; 3) дух-зародыш (своего рода «капсула реинкарнации», в представлении или в виде ритуального предмета); 4) дух-хранитель/помощник, он же дух-двойник «духа предка»; 5) абстрактный представитель «первых людей», «мифических людей», обитатель параллельного мира (варианты: мифическое прошлое, подземный мир, небесный мир, отдаленные чужие местности, ночное время); 6) дух-душа живого/мертвого человека; 7) дух-антагонист, являющийся причиной смерти (людоедство, вампиризм, болезнетворность и т.п.), т.е. «трикстер»; 8) жизненная сила человека/предка; 9) «тотем» — зрительный образ («форма», «аватара») в виде объекта живой или неживой природы; 10) «первочеловек» 11) «культурный герой»; 12) патрон-вершитель инициации; 13) демиург.

Перечисленные функции, или ипостаси представляют собой именно внутреннюю структуру образа первопредка, но также могут играть роль отдельных мифологических персонажей. Впрочем, полного слияния и полного разделения слагаемых образа первопредка культура аборигенов, кажется, никогда и нигде не достигает. Факт непрерывного движения мифа между двумя этими экстремумами помимо прочего означает отсутствие некоего оригинального

текста описания первопредка. Все сводится к своего рода «броуновскому движению» индивидуальных истолкований.

Представленная выше схема ориентирована на систему мировоззрения аранда. В связи с задачей описания традиционной культуры тиви (о-ва Мелвилл и Батерст) понятие «предки» возникает только в контексте характеристики эпохи *паланери*, в качестве только одного определения: «мифических людей» («mythical people»).¹ «Мифические люди» делятся на две категории: тех, которые в мифе упоминаются под личными именами, и тех, которые упоминаются в качестве их «родственников», в конце эпохи *паланери*, по повелению первых, превратившихся в различных животных и птиц. Никакого влияния на повседневную жизнь аборигенов (через представления о реинкарнации) ни те, ни другие мифологические персонажи не оказывают, оставаясь «лишь именами».

Как реально (т.е. в ритуале) действующий мифологический персонаж «предок» распадается на отдельные понятия, которые предельно отдалены друг от друга: *питипитуу* («дух-зародыш»), *нингауи* (духи-антагонисты), *парамануа* (аналог *арумбурина*, духа-помощника аранда), *имунка* (жизненная сила) и *мопадити* («духи мертвых»).

В отношении образа *питипитуа* выдерживаются общеавстралийские стандарты: предковые эмбрионы, прямо или опосредованно ассоциируются с листьями деревьев.² Это маленькие темнокожие человечки (взрослые имеют рост около девяти, дети около двух-трех дюймов), которые существовали всегда, даже в самом начале мира, поэтому миф никак не объясняет их происхождение. Эти существа обитают в особых центрах, которые равномерно распределяются по территории о-вов Мелвилл и Батерст. Если такое карликовое существо, как рассказывают аборигены, захочет превратиться в человека, оно направляется в лагерь аборигенов, выведывает у одного из женатых мужчин (когда тот спит), где находится его будущая мать, назвав ее имя, а затем дожидается удобного случая, чтобы войти в нее и начать жизнь в качестве человеческого существа.³ Здесь все совпадает с обычными «историями зачатия», за исключением одного: формулировки никак не связаны с понятием реинкарнации предка, *питипитуу* сам по себе превращается в человеческое существо, не являясь эсплицитно выраженной частью образа мифического предка.

По описаниям тиви, *парамануа* — очень ловкие и быстрые в движении человекообразные существа ростом в три фута, с толстыми, сильными конечностями, с зубами, похожими на клыки, и острыми выступающими ногтями. Рассказывают, что они могут утащить охотника в свои просторные подземные пещеры (вход — отверстие в термитнике или дупло дерева), предварительно оглушив его ударом руки, но через некоторое время отпускают на волю. В обмен на молчание они обещают похищенному свое покровительство и помощь в сражении, на охоте и спасение от всяческих несчастий в будущем.⁴ Следовательно, *парамануа* тиви — это своего рода транскрипция одновременно двух образов из мифологии аранда: образа двойников *арумбурина* («духов-

помощников»⁵ и *ирунтариния* («обитателей параллельного мира»), обитающих в подземных пещерах, входом в которые служит полое дерево.⁶

В образе *нингауи* от «предка-реинкарнатора» осталась, собственно, только одна дескрипция — «существо, которое бросает в человека короткую метательную палку, приводя его в бессознательное состояние»⁷ (идея броска предка священным предметом и потери сознания женщиной — универсальный мотив реинкарнации в Центральной Австралии, в частности у аранда). Вместе с тем сохраняются реликтовые функции культурного героя (*нингауи* отождествляются с первыми исполнителями инициационного обряда *кулама*), и трикстера (как гласит миф, за совершение инцеста *нингауи* частью были убиты, частью загнаны в мангровые болота небольшого островка Ималуна, где «живут теперь в облике *нингауи*», людей-духов двух футов ростом с длинными волосами и короткими ногами с собачьей стопой⁸).

Образ имунка тоже оказывается, по крайней мере, двояким: это одновременно и душа живого человека и некая абстрактная жизненная сила.

Но главной особенностью внутренней эволюции культуры тиви явилось то, что ядро ритуальной деятельности сместилось в сторону похоронной обрядности. Соответственно такой персонаж, как *монадити*, «дух мертвого», переместился с периферии в центр мифологических представлений, подменяя собой *предка как такового* в рамках опосредованной реинкарнации: например, дух умершего отца посылает человеку *нитипитуа* его будущего ребенка.

Фактически, в сознании аборигенов Австралии понятие предка равно понятию реинкарнации. Второе теряет актуальность вместе с первым. Доктрина реинкарнации аборигенам тиви как таковая неизвестна. Перефразируя Тейяра де Шардена, для аборигена тиви фигура первопредка и реинкарнация — это «порядок, рисунок», который «обнаруживается лишь в целом».⁹

Таким образом, интерпретируя мифологический пантеон тиви с помощью моделей культуры аранда, мы как бы «восстанавливаем» образ первопредка. Можно предположить, что и в других этнических («семиотических») пространствах существует столь же тесная связь между отдельными персонажами. Подобные реконструкции (которые, конечно же, никогда не станут окончательными) могли бы использоваться в качестве процедуры, позволяющей ставить разумные проблемы в рамках изучения мифов.

¹ Mounford Ch. The Tiwi. Their Art, Myth and Ceremony. London, 1958. P.34, 35.

² Ibid. P.66, 146.

³ Ibid. P.147.

⁴ Ibid. P.152.

⁵ Spencer B., Gillen F.J. The Native Tribes of Central Australia. London, 1938. P.514.

⁶ Ibid. P.513—514.

⁷ Mounford Ch. Op. cit. P.125—126.

⁸ Ibid. P.123, 124.

⁹ Шарден П.Т. де. Феномен человека. М., 1987. С.47.